

Нил Гейман

ОДД
и

ЛЕДЯНЫЕ ВЕЛИКАНЫ

Иллюстратор Брети Хелквист

Нил Гейман

Одд и ледяные великаны

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)-44

Гейман Н.

Одд и ледяные великаны / Н. Гейман — «Издательство АСТ»,
2016

ISBN 978-5-17-114602-3

Если вам нравится блуждать по мирам, так похожим на наш, но в которых сохранилась древняя магия и где юный герой, выходя за порог дома, попадает прямоком в Приключение – эта книга для вас. В ней есть захватывающий сюжет, глубина, тонкость, юмор, злое колдовство и добрые чары, говорящие звери и мир, который ждет весны. Странный мальчик Одд проведет вас по самым удивительным местам сказочного Севера, так похожего на скандинавский миф...

УДК 821.111-312.2

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-114602-3

© Гейман Н., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Глава первая. Одд	6
Глава вторая. Лис, орел и медведь	10
Глава третья. Ночной разговор	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Нил Гейман

Одд и ледяные великаны

Neil Gaiman
Odd and the Frost Giants

Text copyright © Neil Gaiman 2008, 2016
Illustrations copyright © Brett Helquist 2016
© Т. Покидаева, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Айзелин и Линеэ

Глава первая. Одд

Отец Одда сидел у горящего очага и вырезал из поленьев фигурки, игрушки для малышей, чаши, миски и прочую утварь...

Жил-был мальчик по имени Одд. Кто-то, может быть, скажет: что за странное имя?! Но в те времена в тех местах, где он жил, это было обычное имя. Оно означало «острие клинка» и приносило удачу.

Сам Одд был странным, что да, то да. По крайней мере, так говорили в деревне. И чего за ним сызмальства не водилось, так это удачи.

Два года назад, когда Одду сравнялось десять, его отец не вернулся из морского похода. И прежде бывало, что людей убивали в походах, но отец Одда был убит не шотландцем в бою, не пал доблестной смертью на поле брани, как положено викингу. Он прыгнул в холодное серое море, чтобы спасти упавшего за борт пони из тех, кого воины брали с собой в качестве вьючных животных.

Маленьких, но выносливых пони нагружали золотом и прочей ценной добычей, съестными припасами и оружием, и те тащили награбленное добро на драккар. В походах пони ценились превыше всего, но и хлопот с ними было немало. Когда Верзила Олаф пал в бою от шотландского клинка, отцу Одда пришлось взять на себя заботу о животине. Будучи лесорубом и резчиком, он мало что смыслил в уходе за пони, но старался как мог. На обратном пути, во время шторма у Оркнейских островов, один из пони оборвал привязь и выпал за борт. Отец Одда прыгнул за ним с веревкой, подтащил к кораблю и при помощи других викингов поднял на палубу.

Наутро он умер от холода, сырости и воды в легких.

Вернувшись в Норвегию, викинги сообщили о том маме Одда, а та сообщила сыну. Одд только пожал плечами. Не пролил ни слезинки. Не сказал ни единого слова.

Никто не знал, что творится у Одда внутри. Никто не знал, что у него на уме. В деревне на берегах фьорда, где всем было дело до всех, это жуть как бесило людей.

В те времена викинги промышляли не только разбоем. У каждого было свое ремесло. Мужчины ходили в морские походы от случая к случаю, ради забавы или чтобы разжиться имуществом, какового не сыщешь в родной деревне. Случалось, в этих походах они добывали себе и жен. Маму Одда, столь же чернявую, сколь отец был белокур, привезли в страну фьордов из далекой Шотландии. Когда Одд был маленьким, она пела ему баллады, которые выучила еще девчонкой, задолго до того дня, когда отец Одда отобрал у нее нож, перебростил ее через плечо и принес на драккар.

Одд частенько задумывался, не скучает ли матушка по Шотландии, но когда он спросил, она сказала, что нет, не так чтобы очень, но скучает по людям, говорящим на ее языке. Теперь она говорила на языке северян, хотя и с акцентом.

Отец Одда был лесорубом, мастером топора. Он построил себе крошечный бревенчатый домик в чаще леса за фьордом, и уходил на свой промысел на неделю и больше, и возвращался в деревню с тележкой, нагруженной бревнами, уже обтесанными и готовыми к тому, чтобы пустить их в работу. В тех краях все, что можно, делалось из древесины: деревянные клинья скрепляли деревянные доски, из которых сооружались деревянные же дома и деревянные корабли. Зимой, когда по глубоким снегам далеко не уйдешь, отец Одда сидел у горящего очага и вырезал из поленьев фигурки, игрушки для малышей, чаши, миски и прочую утварь, а мама стряпала, шила и – всегда – пела песни.

У нее был красивый голос.

Одд не понимал ни словечка из маминых песен, но, допев до конца, она переводила ему, о чем пела, и он обмирал от восторга, слушая истории о доблестных лордах, что мчались навстречу опасностям и приключениям верхом на могучих скакунах, и на запястье у каждого восседал величавый сокол, и рядом с каждым бежала отважная гончая, и каждый бесстрашно сражал великанов, спасал попавших в беду девиц и защищал угнетенных от произвола тиранов.

После смерти отца мама пела все реже и реже.

Однако Одд продолжал улыбаться, что несказанно бесило односельчан. Он улыбался, даже когда ему покалечило правую ногу.

Это случилось спустя три недели после того, как драккар вернулся домой без отца. Одд взял отцовский топор, такой тяжеленный, что пуп надорвешь, пока взвалишь его на плечо, и отправился в лес. Он был уверен, что знает все, что положено знать, о ремесле лесоруба, и ему не терпелось применить свои знания в деле.

Уже потом он признался маме, что топор можно было бы взять и поменьше, да и дерево выбрать потоньше.

И все-таки то, что он сделал, весьма примечательно.

Когда упавшее дерево придавило ему ногу, он разрыл под ней землю лезвием топора и сумел ее вытащить, а потом отрубил ветку потолще и справил себе костыль, потому как иначе он просто и шагу не смог бы ступить, на раздробленной-то ноге. Он все же сумел кое-как доковылять до дома, волоча за собой тяжеленный отцовский топор. Металлы были редки в тех краях, топоры можно было добыть, только выменяв или украв, и Одд не мог бросить такое богатство ржаветь на земле.

С той поры миновало два года, матушка Одда вышла замуж за Толстяка Элфреда, человека вполне добродушного, когда не в запое, но у него уже было четыре сына и три дочери от первого брака (его жену убило молнией), и не было времени на увечного пасынка, так что Одд стал все чаще и чаще уходить в лес.

Одд любил весну, когда водопады журчали в долинах и в лесах расцветали цветы. Он любил лето, когда появлялись первые ягоды, и осень, когда созревали орехи и мелкие яблочки. Одд не любил зиму, когда обитатели деревни целыми днями просиживали в общем зале, объедаясь солониной и овощами. Зимой мужчины дрались для потехи, пускали ветры, пели песни и спали, потом просыпались и снова дрались, а женщины качали головами, шили, вязали и штопали.

К началу марта зима отступала. Снег таял, реки сбрасывали ледяные оковы, и мир вновь просыпался к жизни.

Но не в этом году.

Зима не сдавалась, что твой инвалид, не желающий умирать. День за днем все тонуло в унылой серости, льды оставались такими же твердыми, а мир – неприветливым и холодным.

Люди в деревне изрядно обрыдли друг другу. Без малого четыре месяца они таранились друг на друга в общем зале. Мужчинам уже пора было готовить драккар для похода, а женщинам – расчищать землю под новые посадки. Игры сделались скверными. Шутки сделались злыми. Драки – отнюдь не потешными.

Вот почему однажды утром под конец марта, еще до первых лучей рассвета, когда мороз был трескуч, а земля – тверже железа, а Толстяк Элфред, и все его дети, и матушка Одда еще крепко спали, Одд надел самые плотные, самые теплые одежды, стащил бок копченого лосося со стропил в доме Толстяка Элфреда, взял горшок с горсткой тлеющих углей из очага, подхватил отцовский топор – тот, что поменьше, – привязал его к поясу кожаным ремешком и уковылял в лес.

Снег был глубок и коварен, с толстой коркой блестящего льда наверху. Даже мужчине на двух здоровых ногах было бы сложно шагать по таким-то сугробам, а уж мальчишке-калеке с одной здоровой ногой и костылем-деревяшкой всякий холмик казался горой.

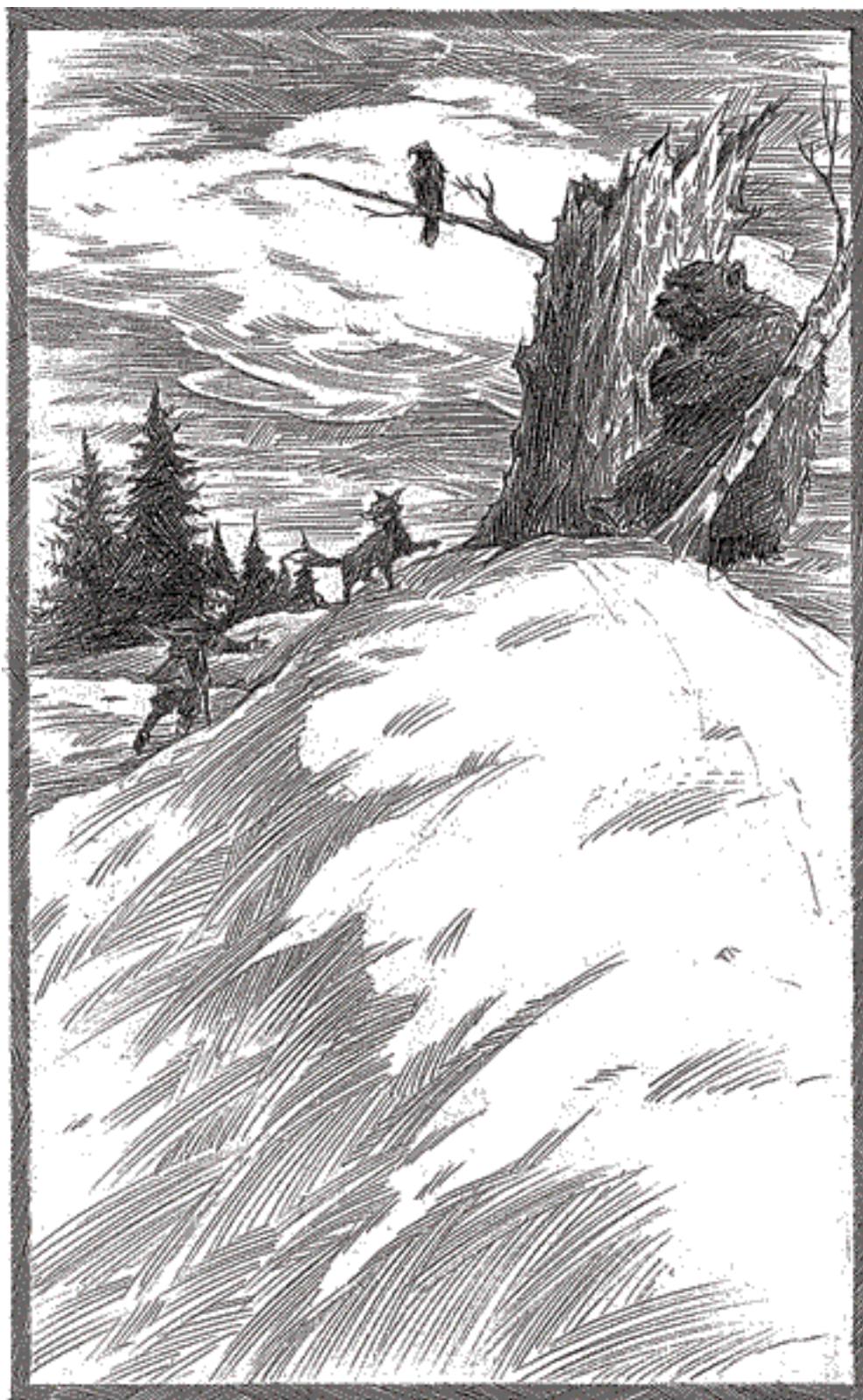
Одд перешел замерзшее озеро, что должно было оттаять несколькими неделями раньше, и, углубившись в лесную чашу, добрался до папиной бревенчатой хижины. Дни казались почти столь же краткими, как в середине зимы, и, хотя до вечера было еще далеко, когда Одд прибыл на место, в лесу уже стало темно, будто ночью.

Дверь завалило снегом, и Одду пришлось взяться за деревянную лопату, чтобы раскидать этот завал и войти внутрь. Он добавил растопки в горшок с углями и, убедившись, что огонь разгорелся как надо и уже не погаснет, пересадил его в печку, где лежали старые сухие поленья.

На полу он нашел деревяшку размером чуть больше его кулака. Хотел было бросить ее в огонь, но пальцы нащупали резные бороздки, и Одд отложил деревянный брусок, чтобы рассмотреть его завтра при свете. Он набрал снега в маленький котелок и растопил над огнем, съел немного копченого лосося и выпил горячего отвара с сушеными ягодами.

До чего же здесь было славно! Одежда лежала на прежнем месте, в углу, как и набитый соломой тюфяк, и можно было представить, что в маленькой комнатке еще сохранился отцовский запах, и Одда никто не шпынял, не называл недоумком и никчемным калекой, и, подкинув поленьев в огонь, чтобы тот горел до утра, Одд заснул вполне счастливым.

Глава вторая. Лис, орел и медведь

Громадный бурый медведь намертво застрял лапой в сосновом дупле

Его разбудил странный скрежет снаружи, будто там кто-то скребся. Одд поднялся с лежанки, гоня прочь мысли о троллях и чудищах – и еще о медведях, – и открыл дверь. Снаружи было светло; стало быть, солнце встало уже давно, а на снегу перед хижиной сидел рыжий лис и нахально тарашился прямо на Одда.

У него была узкая морда, острые уши торчком и хитрющие, лукавые глаза. Убедившись, что Одд его видит, лис подпрыгнул на месте, будто красуясь, потом отошел чуть подальше и остановился. Он был огненно-рыжим, как пламя костра, и то пританцовывал на месте, то подходил ближе, то опять отбегал и глядел на Одда через плечо, словно приглашая следовать за ним.

У зверя явно имелись какие-то планы, рассудил Одд. У него самого не было никаких планов, кроме твердой решимости никогда не возвращаться в деревню. Да и лисы не каждый день приглашают тебя на прогулку.

Так почему бы и не сходить?

Лис бежал впереди язычком рыжего пламени на белом снегу. Если Одд сбавлял шаг, если ему было трудно идти по сугробам, если он выбивался из сил, зверь терпеливо сидел на ближайшем пригорке и ждал, пока мальчик не будет готов идти дальше, а потом снова мчался вперед, высоко задрвав хвост.

Одд упрямо шагал следом за ним.

В небе над ними кружила птица. *Ястреб*, подумал Одд, но когда птица уселась на ветку иссохшего дерева, он увидел, какая она большая, и понял, что это орел. Птица сидела, как-то странно вывернув голову набок, и Одд был убежден, что она наблюдает за ним.

Следом за лисом он поднялся на холм и спустился с другой стороны (спускаться было труднее, чем подниматься: в глубоком снегу, на костыле, с искалеченною ногой, – и несколько раз Одд упал), потом – снова вверх, до середины второго холма, где на склоне, подобно гнилому зубу, торчала сухая сосна. Вплотную к мертвой сосне росла белая береза. Именно здесь лис и остановился.

Их приветствовал скорбный рев.

В мертвом дереве было дупло. В таких дуплах порой селятся медоносные пчелы. Люди в деревне Одда готовили из меда хмельную брагу и пили ее, празднуя благополучное возвращение своих викингов, и в день зимнего солнцестояния, и по любому другому поводу, который надо отметить.

Громадный бурый медведь намертво застрял лапой в сосновом дупле.

Одд хмуро улыбнулся. Было вполне очевидно, что здесь произошло.

Пытаясь добраться до меда в дупле, медведь приналег на березу, чтобы отогнуть мешавший ему ствол. Но как только медведь запустил лапу в дупло, он отпустил березу, и та вмиг вернулась на место, прижав зверю лапу крепче капкана.

Медведь снова взревел, раскатисто и сердито. Выглядел он свирепо, но нападать вроде бы не собирался.

Одд с опаской приблизился к дереву.

В небе над ними кружил орел.

Одд снял с пояса топор и обошел вокруг сосны. Он отрубил толстый сук около шести дюймов длиной и вбил его между сосной и березой; он не хотел раздробить зверю лапу. Потом взмахнул топором и принялся рубить березу четкими, выверенными ударами. Ствол был твердым, но Одд оказался упорнее и очень скоро дорубил неподатливую древесину почти до конца.

Он посмотрел на медведя. Медведь тоже смотрел на него большими карими глазами. Одд заговорил вслух.

– Я не могу убежать, – сказал он медведю. – Если тебе захочется меня съесть, я буду легкой добычей. Но об этом, наверное, стоило побеспокоиться раньше. А теперь уже поздно.

Он сделал глубокий вдох и перерубил ствол последним ударом. Береза качнулась и рухнула наземь. Медведь на секунду зажмурился и вытащил из дупла лапу, истекавшую золотым медом.

Медведь облизал лапу на диво розовым языком. Изрядно проголодавшийся Одд отломил кусочек медовых сот с самого края дупла и съел вместе с воском. Тягучий мед потек вниз по горлу, и Одд закашлялся.

Медведь засопел. Сунул морду в дупло, вытащил огромный кусок сот и прикончил его в два укуса. Потом встал на задние лапы и заревел.

Одд подумал, что вот и все, сейчас он умрет, а мед, наверное, был только закуской, но медведь опустил на четыре лапы и продолжил сосредоточенно опустошать медовое дерево.

Уже смеркалось.

Одд знал, что ему пора возвращаться домой. Он спустился с холма и только у самого подножия сообразил, что совершенно не представляет себе, в какой стороне его хижина. Сюда он пришел следом за лисом, но тот явно не собирался провожать его обратно. Он попытался прибавить шагу, но поскользнулся на льду и упал лицом в жесткий снег, обронив свой костыль.

Одд пополз к отлетевшему костылю и вдруг почувствовал на затылке чье-то горячее дыхание.

– Ну, здравствуй еще раз, медведь, – бодро проговорил Одд. – Можешь съесть меня прямо сейчас. Лучше уж послужить пищей медведю, чем замерзнуть на льду. Хоть какая-то польза.

Медведь, кажется, не собирался есть Одда. Усевшись на лед перед мальчиком, он указал лапой себе на загривок.

– Правда? – спросил Одд. – Ты меня не съешь?

Медведь издал глухой гортанный рык – угрюмый рык, но не голодный, – и Одд решил испытать удачу. Раз уж сегодня такой странный день, то еще одной странностью больше, одной меньше, уже все едино.

Одд вскарабкался на спину медведя, сжимая в левой руке костыль, а правой цепляясь за медвежий мех. Медведь медленно поднялся на ноги и, убедившись, что мальчик уселся и держится крепко, помчался вприпрыжку сквозь сумерки.

Медведь набирал скорость, холодный ветер пронзал Одда насквозь, и парнишка продрог до костей.

Лис бежал впереди, орел парил в небе над ними, и Одд размышлял про себя, иступленно и радостно: *я прямо как те благородные лорды из маминых баллад. Только без коня, собаки и сокола.*

Он размышлял про себя: *и никому о таком не расскажешь, потому что никто не поверит. Я бы сам не поверил.*

Медведь несся по лесу, с потревоженных веток срывался колючий снег и летел прямо Одду в лицо, но Одд только смеялся. Взошла луна, бледная, и огромная, и *такая* холодная, но Одд продолжал хохотать, потому что он ехал домой, в свою хижину в лесной чаще, и он был сказочным лордом верхом на медведе, и еще потому, что он Одд.

Перед хижинной Одда медведь остановился, и Одд спустился на землю: наполовину упал, наполовину слез сам. Он выпрямился, опершись на костыль, и сказал зверю:

– Спасибо.

Ему показалось, медведь кивнул, но мало ли что померещится в лунном свете.

Раздалось шумное хлопанье крыльев, орел опустился на снег в двух шагах от Одда. Склонив голову набок, птица смотрела на Одда единственным глазом медового цвета. На месте второго глаза зиял темный провал.

Одд подошел к двери хижины. Лис уже ждал его там, сидя на задних лапах, как пес. Медведь подступил ближе и встал за спиной Одда.

Мальчик задумчиво оглядел всех животных.

– Что? – спросил он, хотя и так было понятно, чего им хотелось.

А дальше все было так.

– Ну что ж, заходите, – сказал Одд и открыл дверь.

И они вошли в дом.

Глава третья. Ночной разговор

Из-за кого мы попали в эту передрагу?

Одд думал, что лососевого бока ему хватит на целую неделю, а то и больше. Но, как оказалось, лисы, орлы и медведи тоже не прочь угоститься лососем, и Одд чувствовал себя обязанным их накормить в благодарность за то, что они проводили его до дома. Вчетвером они съели все подчистую, но наелись лишь Одд и орел. Лис с медведем, похоже, остались голодными.

– Завтра мы раздобудем еще еды, – сказал Одд. – А сейчас надо спать.

Животные уставились на него. Одд улегся на свой соломенный тюфяк и пристроил костыль у стены, чтобы сразу на него опереться, когда надо будет вставать. Постель больше не пахла отцом, понял мальчик, когда ложился. Она пахла только соломой. Одд закрыл глаза и мгновенно заснул.

Ему снилась тьма, и какие-то вспышки, и обрывки мгновений – ничего, за что можно схватиться и чем можно утешиться. А потом в сон ворвался раскатистый хмурый голос, который явственно произнес:

– Это была не моя вина.

Еще один голос, потоньше, с едкой смешинкой, сказал:

– Да, конечно. Я тебе *говорил*, что не надо отодвигать ту березу. Но ты меня не послушал.

– Я был голоден. Я чуял мед. Тебе не понять, каково было почуять тот мед. Это лучше медовой браги. Лучше зажаренного гуся. – И тут этот хмурый, рокошущий бас, отдававшийся гулкой дрожью в животе Одда, сменил тон: – И уж не тебе обвинять других в чем бы то ни было. Из-за кого мы попали в эту передрагу? Только из-за тебя!

– Я думал, мы договорились. Думал, мы больше не будем вспоминать эту маленькую ошибку...

– По-твоему, это маленькая ошибка?

А потом третий голос, высокий и резкий, пронзительно выкрикнул:

– Тихо!

Голоса вмиг умолкли. Одд перевернулся на другой бок. Угли, тлеющие в очаге, давали достаточно света, и Одд убедился, что в хижине нет никаких новых гостей. Только он сам, лис, медведь и орел...

Кем бы ни были эти трое, подумал Одд, людей они, кажется, не едят.

Он сел, привалившись спиной к стене. Медведь и орел подчеркнуто его не замечали. Только лис быстро взглянул на Одда, сверкнув зелеными глазами.

– Вы разговаривали, – сказал Одд.

Животные переглянулись и посмотрели на Одда. Они не сказали: «Кто?! Мы?!», – но это отчетливо читалось по их лицам, сквозило в каждом движении.

– *Кто-то* сейчас разговаривал, – сказал Одд, – и точно не я. Больше здесь никого нет. Стало быть, это вы разговаривали. И не спорьте со мной.

– Мы и не спорим, – сказал медведь. – Мы же не умеем разговаривать. – А потом он сказал: – Ой.

Лис и орел свирепо уставились на медведя, который пристыженно закрыл глаза лапой.

Одд вздохнул и спросил:

– Кто из вас объяснит, что происходит?

– Ничего не происходит, – быстро проговорил лис. – Подумаешь, несколько говорящих животных! Совершенно не о чем беспокоиться. Обычное дело. Завтра утром нас здесь не будет.

Орел пристально взглянул на Одда своим единственным глазом, потом повернулся к лису:

– Расскажи!

Лис беспокойно заерзал.

– Почему я?

– Я не знаю, – сказал медведь. – Может быть, потому, что ты во всем виноват?

– Это уже перебор, – отозвался лис. – Нельзя все валить на мою бедную голову. Как будто я сделал это нарочно! Такое могло приключиться с любым из нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.